

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТОПОНИМИИ

Как известно, топонимический материал широко используется в исторических исследованиях¹. Однако при интерпретации материала могут возникать определенные трудности, поскольку одни и те же названия появляются различным путем. Так, название поля *Княжеское* может указывать на принадлежность некоему князю, но может оказаться просто метафорой.

Сами историки считают, что достоверность топонимических данных должна подтверждаться историческими документами². Но это очень ограничивает возможность использования топонимии. А как быть, если таких документов вообще нет? Отсюда задача — попытаться найти лингвистические критерии пригодности топонимических данных для использования в качестве исторического источника.

В статье анализируется отражение в топонимии русского Севера (Архангельской, Вологодской и Костромской областей) группы древнерусских слов, обозначавших лиц различной социальной принадлежности. Отражение слов этой группы в топонимии носит сложный характер. Безусловно, можно допустить существование топонимов, непосредственно отражающих эту терминологию, т. е. обозначающих объекты, прямо связанные с историческими лицами определенного социального слоя. Однако есть много отантропонимических и образных названий, которые необходимо отделять.

Цель настоящей статьи: определить, насколько отражается эта терминологическая группа в топонимии русского Севера и есть ли критерии для выделения отантропонимических топонимов и метафор.

Для работы был составлен словарь, в основу которого положена лексика «Повести временных лет»³. Список проверялся по картотеке Севернорусской топонимической экспедиции, за-

¹ См. об этом: *Веселовский С. Б.* Топонимика на службе у истории.— Ист. зап., 1945, т. 17, с. 24—52; *Попов А. И.* Топонимика как историческая наука.— Мовознавство. Київ, 1957, т. 14, с. 3—9.

² См. указ. работы *С. Б. Веселовского*, *А. И. Попова*, а также: *Милонов Н. П.* Значение топонимии для изучения истории края.— В кн.: *Питання топоніміки та ономастики*. Київ, 1962, с. 23—26.

³ Приводится по кн.: *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 358—367.

тем материал был картографирован и сопоставлен с топонимией Кировской области и Урала, территорией вторичного заселения. Топонимы этих районов также были картографированы.

Как и ожидалось, на Урале большинство названий, каким-либо образом связанных с лексикой интересующей нас группы, являются антропотопонимами.

Рассмотрим результаты структурно-словообразовательного и лингвогеографического анализа севернорусских топонимов, поскольку именно эти приемы исследования открывают определенные возможности для его объективации.

Структурный метод позволил отделить группу топонимов антропонимического происхождения — вторичные названия, не отражающие социальной терминологии, так как они восходят к фамилиям и прозвищам людей, связанных с теми или иными объектами. Это названия с суффиксами *-ев, -ов, -ин, -инц, -онк, -к, -шин, -щин, -чин*. Например: *Бояриновская*, д. (Арх. Холм), *Бояринцево*, д. (Костр. Кологр), *Гридинская*, д. (Арх. Кр-Бор), *Гридькина*, пож. (Арх. Вельск), *Княжонкова Дача*, пол. (Влг. К-Гор), *Смердова*, р. (Влг. Ник) и т. д.

Структурный метод также помог выделить метафорические и образно-оценочные названия: *Князь*, пож. (Арх. Пин), *Князь-озеро*, оз. (Арх. Вин), *Княгиненки*, полосы (Костр. Кологр), *Бояроня*, пож. (Влг. Бабаев), *Скоморохи*, бол. (Влг. К-Гор) и т. д.

Названия с суффиксами *-их, -ух, -иц* можно отнести или к антропонимическим, или к образно-оценочным: *Бояриха*, поле (Арх. Вин), *Воеводица*, д. (Арх. В-Т), *Княжиха*, пуст. (Влг. Тот), *Княжица*, р. (Арх. Котл), *Купечиха*, пож. (Арх. В-Т) и т. д.

Но есть большая группа топонимов, непосредственную связь которых с социальной терминологией трудно определить с помощью структурного метода (*Царское*, бол., *Боярская*, д. и т. д.)

Некоторые закономерности позволяет проследить и метод лингвистической географии. Если картографирование покажет, что названия той или иной группы не разбросаны на карте, а сосредоточены в определенной зоне, то в этом случае необходимо искать какое-то объяснение такой локализации фактов. Для проверки действительности приема было проведено картографирование очевидной топонимической метафоры (*Портки*, пож., поле, оз., руч. и т. д.) и названий, имеющих особое территориальное закрепление в силу своей специфики (*Монастырская*, д., пок., поле, р., руч., и т. д.). Как и предполагалось, метафора *портки* дала на карте разброс. Метафорические названия возникают в результате образного народного видения и никакой системы в территориальном закреплении не образуют. Такие топонимы в Архангельской области зафиксированы в Онежском, Плесецком, Холмогорском, Пинежском, Лешуконском, Карго-

польском, Виноградовском, Шенкурском, Коношском, Вельском, Устьянском, Верхне-Тоемском, Красноборском районах.

«Монастырские» названия обычно относятся к деревням, пашням, полям, пожням, лугам, урочищам и т. д., т. е. объектам, которые в прошлом могли находиться во владении монастырей — крупных землевладельцев.

Известно, что заселение русскими Архангельской области шло прежде всего по рекам, где очень рано строились монастыри. Поэтому картографирование, думается, подтверждает мысль, что «монастырские» названия не случайны и располагаются в тех районах, где протекают крупные реки. Такие топонимы зафиксированы в Мезенском, Приморском, Онежском, Плесецком, Холмогорском, Пинежском, Каргопольском, Няндомском, Виноградовском, Вельском, Шенкурском, Устьянском, Верхне-Тоемском, Красноборском районах.

Однако этот прием не всегда дает убедительные результаты. Так, в Свердловской области среди названий, потенциально могущих принадлежать к рассматриваемой группе, наиболее полно представлены топонимы, восходящие к термину боярин: *Боярская*, р. (Гар), *Боярское*, бор (Алап), *Боярское*, бол. (Артем), *Боярская Согра*, бол., ур., *Боярский Лог* (Тал), *Боярский Дом*, пахотная земля (Сл-Тур). Как могли возникнуть здесь эти названия? Надо иметь в виду следующее: во-первых, в контекстах указывается, что многие объекты расположены рядом с зарослями боярышника, широко распространенного на Урале; во-вторых, Урал — район вторичной колонизации, и эти топонимы скорее всего не могут быть связаны с лицами интересующей нас социальной категории; в-третьих, допускается возможность образования антропонимов с суффиксом *-ск-* (прозвище *Боярин*, как отмечает Н. М. Тупиков⁴, было широко распространено среди крестьян начиная с XV в.).

Картографирование показало, что топонимы, восходящие к слову боярин, в регионе вторичного заселения очевидного разброса не дают: эти топонимы расположены в восточной части Свердловской области. Отсюда следует, что с помощью картографирования не всегда можно выявить топонимы, непосредственно связанные с общественно-политической терминологией.

Использование структурно-словообразовательного и лингвогеографического методов позволило выделить три группы топонимов.

1. Топонимы, непосредственно отражающие общественно-историческую терминологию. Это большая часть прилагательных с относительным суффиксом *-ск-* (*Воеводское*, оз.), *-j-* (*Смердьа*, р.), *-aj-*, *-oj-*, *-uj-* (*Княжьа*, р.).

2. Антропотопонимы, выявляемые, в частности, при помощи

⁴ Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

словаря древнерусских личных имен Н. М. Тупикова (*Бояриновская*, д. и т. п.).

3. Метафорические и образно-оценочные названия, а также неясные случаи (*Бояроня*, пож.).

Рассмотрим распределение топонимов первой группы на карте Архангельской области, где они наиболее многочисленны.

Топонимы, восходящие к термину *боярин*, обнаружены в Онежском, Плесецком, Холмогорском, Пинежском и Виноградовском районах (северная зона) и в Коношском, Вельском, Устьянском и Красноборском районах (крайний юг области). Обращает на себя внимание большая концентрация таких топонимов в Пинежском районе и то, что большинство из них — гидронимы, которые, как известно, являются более древними: *Боярский*, руч., *Боярский*, пор. на Боярском ручье, *Боярский*, пор. на р. Ежуге; *Боярское*, ур. на Боярском ручье. Думается, это не случайно. Картографирование на этот раз не дало убедительного ответа, но выявило интересные закономерности. Для более обоснованного вывода необходимо обратиться к историческим документам.

Топонимы, восходящие к слову *воевода*, за пределами Архангельской области не зафиксированы. Более того, в самой области, за исключением топонима *Воеводское Медвежье*, пож. (Карг), все названия образуют зону распространения в Верхне-Тоемском и частично Пинежском районах. Топонимы называют различные объекты: деревни, урочища, озера, леса, поля, лесные разработки и пожни.

Поскольку в словаре Н. М. Тупикова прозвище *Воевода* вообще не отмечается, еще больше возрастает вероятность того, что эти топонимы отражают социальный термин *воевода*.

Термины *гость* и *дворянин* отражены в топонимии только вторично — в антропонимических и образных названиях: *Гостев*, руч. (Он), *Дворянинов*, руч. (Мез) и т. д.

Лингвогеографическое изучение топонимов, восходящих к термину *князь*, не дало результатов. Топоним с суффиксом *-ск-* только один: *Княжеское*, пок. (Арх. Конош). Очень часто встречаются топонимы с суффиксами *-ај-*, *-ој-*, *-иј-* и стяженные формы: *Княжа*, р. (Арх. Шенк), *Княжо*, оз., пок. (Костр. Кологр), *Княжая*, р. (Арх. Шенк; Костр. Кологр; Влг. К-Гор). При картографировании эти топонимы дали очень большой разброс, поэтому какой-либо вывод сделать трудно. Необходимо учесть, что князья на этой территории не жили.

Термин *купец* в интересующей нас форме зафиксирован один раз: *Купецкий*, руч. (Арх. Плес). Практически можно считать, что этот термин в топонимии не отражен.

Топонимы, восходящие к термину *смерд*, зафиксированные только в Архангельской области, образуют ареал, находящийся в бассейнах двух крупнейших рек — Северной Двины и ее притока Ваги. Это следующие названия: *Смердьё*, р. (Примор),

Смердь, пр. С. Двины (Холм), *Смердь*, пр. Черной (Шенк), *Смердь*, пр. С. Двины (Шенк), *Смердые*, оз. (Холм), *Смердые*, пр. Мечки (Примор). Все это гидронимы, поэтому логичен вопрос, не произошли ли они не от термина *смерд*, а от глагола *смердеть*? Часть таких названий, скорее всего, связана с глаголом *смердеть*: *Большие* и *Малые Смерди*, руч. (Шенк), *Смердомка*, р., *Большой Смердяч*, д. (Влг. Кадуй). Но таких топонимов на русском Севере немного, значит эта модель малопродуктивна.

Поскольку на Урале такие топонимы вообще не зафиксированы, то на территории вторичного заселения эта модель вообще является непродуктивной.

Монастыри, будучи крупными землевладельцами, имели большое количество собственных крестьян — смердов. Поэтому в данном случае картографирование делает возможным соотношение топонимов непосредственно с историческими данными.

Топонимы, восходящие к слову *скоморох*, дали большой разброс: *Скомороший*, руч., *Скомороший Мох*, бол. (Арх. Он), *Скоморошья*, пож. (Нянд), *Скоморошье*, поле (Он), *Скоморошье*, бол. (Уст), *Скоморошье*, пок., д. (Влг. Никол). Думается, что они являются образно-оценочными (т. е. «чертов ручей», «чертово болото», если учесть, что в народных поверьях *скоморох* — «черт») или отантропонимическими (*Скоморох* — довольно частое прозвище). Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что социальный термин *скоморох* в топонимии прямо не отражен.

Топонимы, восходящие к термину *холоп*, в ограниченном количестве зафиксированы в Няндомском районе: *Холопские Сена*, пож., *Холопье*, д., *Холопья*, д. Но их очень мало, и поэтому они отнесены к группе неясных случаев.

Топонимы, восходящие к слову *царь*, дали большой разброс: Никольский и Вытегорский районы Вологодской области, Каргопольский, Холмогорский, Вельский Архангельской. Думается, они являются образными.

Проведенное исследование дает возможность считать вышеупомянутые приемы полезными для установления закономерностей в закреплении топонимов на местности. Разумеется, одних лингвистических данных недостаточно, и многие поставленные здесь вопросы могут быть решены только при учете исторической обстановки, в которой возникли рассматриваемые топонимы.

Как показало исследование, в топонимии русского Севера достаточно четко отражены три социальных термина (*боярин*, *воевода*, *смерд*), наблюдения над которыми в дальнейшем могут дать определенную информацию историку.